

18+

А.Н. Варламов

СВЕЧА



А. Н. Варламов

Свеча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704302

ISBN 9785005159922

Аннотация

Первый раздел предлагаемой книги называется «Стихи». Автор не считает себя поэтом, но не смог удержаться от искушения использовать для выражения своих ощущений поэтические средства, которые по своей яркой образности намного превосходят любую прозу. И в том её, поэзии, бесконечная притягательность. Раздел «Раннее» включает в себя произведения, задуманные ещё в 80-е годы прошлого века. Описаны события, как правило, имеющие под собой реальную подоплёку. Раздел «Рассказы» посвящён настоящему.

Содержание

РАЗДЕЛ 1. СТИХИ	5
Осенний налёт	5
Свеча	6
Хуже...	13
Грусть-тоска	15
Кот	19
Славянка	23
Дурная привычка	26
Одиночество	29
Вера	33
Вёдро	37
Однажды	38
Сталин	40
Песня эколога	43
Ника	44
Про тепло	46
РАЗДЕЛ 2. РАННЕЕ	48
Когда нельзя отступить	48
Я скоро вернусь!	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Свеча

А. Н. Варламов

© А. Н. Варламов, 2020

ISBN 978-5-0051-5992-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЗДЕЛ 1. СТИХИ

Осенний налёт

серый стих

Что есть сентябрь? Дожди, умытый лес, могучие грибы. Когда не хочется зубрить (тебе ещё пятнадцать).

Что есть сентябрь? Дожди, унылый лес, пожухлая трава. Когда кнутом не выгонишь из дому (тебе уж не пятнадцать лет).

Что есть сентябрь: резиновая ночь, холодная луна пугает волка (пора линять, не то ухватят за бок).

Что есть сентябрь: ещё синее небо; в нём нет свинца, но краски уж не те. Ещё пылают астры, но грачи – на взлёт. Уже скосили коноплю и распахали зябь. Коровам утепляют вымя...

...С трудом терплю, когда сентябрь, ещё не сняв сандалий, бредёт по опадающей листве. Я не люблю октябрь, я не люблю ноябрь. И я с тоской смотрю на календарь, ведь впереди – декабрь, январь... Как грустно!

Свеча

Горит свеча, как стрёмный факел,
И днём и ночью, вот ведь мля!
Фитиль вконец себя истратил,
И вопрошает: «Может, зря?..»

... Она была когда-то длинной,
Легко садилась в канделябр.
Её душа была невинной,
А юный пыл и горд, и храбр.

Её геометрическая внешность
Желала счастья всем, добра,
А стеариновая бледность
Рвалась пожертвовать себя.

Короче – вольных дум бесчинство,
Как водится у интеллигентных фря:
Свобода, Равенство, Единство!
Всем поровну, всем – задарма!

Так вот... «Объевшись» Маяковского,
Сказала: «Вот моя стезя!»
Самозажглась от смысла философского,
Решив гореть, светить всегда!

С тех слов поток её фотонов,
Пронзая ночь, из года в год,
С напором Прометея легионов
Понёс Прозрение в народ.

Народ меж тем стремился мало
Плодов ученых искусить.
Он не любил идей накала,
Желая палкой груши бить...

Оно и верно – неча сдуру
Себя наукой изнурять.
Уж лучше поискать халтуру
И в дом чего-нибудь достать.

Ну или ещё чего о фиге...
(Народ умеет рассудить;
О том, чего он видит в книге,
Крылатой фразой срам прикрыть.)

Свеча, однако, не сдавалась.
Напрягши все свои жиры,
Перегоняла их, не жалясь,
В науки мудрые дары.

Она светилась, как на паперти,

И был то крестный её ход.
Стояла голая на скатерти,
А по бокам – застывший пот.

И всё ждала благодаренье
За свой посильный, скромный труд.
Стремилась видеть толк в горенье,
Чтобы счастливый, добрый люд...

И благодарный люд алаверды,
Жеманно подстелив газетку,
Держа свечу за сальные фалды,
С душой, с энтузиазмом ел селедку.

Свеча взопила: – Что за дичь!
Я для того ли вам сверкала?!
В ответ ей – яркий, сочный спич:
– А не пошла бы ты... шалава!

Свеча, однако, упиралась.
Сглотнув обиды злой комок,
Стряхнув с себя нагар, собралась
И вынесла один урок —

Не всем на пользу сила света:
Кому – ученье, многим – боль.
Идя на жертву, ждёшь привета,
А получаешь полный ноль.

Но всё ж продолжила боренье
За процветанье, за прогресс,
Уже не ожидая мненье,
Что хороша. И только стресс

Отныне вечный её спутник,
Ну а она – его раба.
Он будет грызть её, паскудник —
Знать, такова её судьба.

А время шло без остановки,
Съедая силы у свечи,
Она томилась, как в духовке,
Часы кромсали, как мечи.

Свеча горит, вот-вот погаснет,
Уж пламя светит набекрень,
Ещё чуть-чуть, и ясно будет,
Что накрывает мрака тень.

А темнота ужасным гадом
Ползет, ползет... Она везде...
Да золотушный мальчик рядом
Рисует пальцем на стекле.

И вот итог: свеча уныла,
Фитиль на грани бытия,
Фигура закритически оплыла,

А ведь чудесная была...

В пылу погони за обетом
Мгновенно молодость прошла.
Тут главное и в том, и в этом, —
Зачем зациклена была?

К вопросу выбора кумира
Нам нужно проще подходить —
Порою так жестока Лира,
Зовя на подвиг выходить.

Не знаю... Может, не пристало
Себя так страстно изжигать?
А может, после дня, устало,
Сто грамм Есенина принять?

Известно, что народ не победить,
И в той борьбе неблагодарной
Ей даже некому излить
Свое фиаско было, бла́жной.

Горит свеча, вот-вот погаснет,
Ещё минута, еще две...
Сознание вот-вот растает,
Лишь думка теплится на дне:

«И где эйнштейны?» Лишь их духи

Невидимо летают взапуски;
Кругом валяются обугленные мухи,
Да стонут раненые мотыльки.

Не стала новым Демиургом
Свеча. И как тут ни крути,
Никто не встанет вровень с Богом
Что в городище, что в глуши.

Что тут сказать – итог неважный,
В округе не видать ни зги.
Средневековый мрак отвратный
Закрыв культуры очаги.

Но, хоть ждала она иного,
Пока внутри горела нить,
Какой-то тип листал Толстого,
А кто-то стал «немножко шить».

Ну да, конечно, ради правды,
К талантам их не отнести.
Не с каждого куста рассады
Волшебной розе расцвести...

Так вот ещё другой урок:
Пусть твой народ и ест, и пьёт, —
А вдруг с того какой-то прок?
Так пусть хоть пляшет, хоть поёт!

Да и неважно, в том ли дело,
Как кто себя смог проявить,
Ты сам живи с искрою, смело,
Вдруг от тебя кто возгорит?..

Тяни как вол, свой век бесславный,
Не получая похвалы,
И, может быть, тот мальчик чахлый,
На твои тайные мольбы,

Поправит томный бархатный берет,
Натянет холст, потрёт виски,
Смешает на палитре нужный цвет,
Чтоб сделать верные мазки...

Всё это тлен: награды, свой дворец,
При жизни памятник у стен Кремля;
Важней, когда ты, догорев вконец,
Успеешь прошептать: «Не зря...»

Хуже...

В бесчисленный раз наступает ненастье,
Как старенький вальс: раз, два, три; раз, два, три...
Всё те же дожди и всё то же паскудство,
Что исподволь тянет и гложет внутри.

Природа циклична, никто и не спорит,
Зима хоть длинна, но придёт и весна,
И снег с неохотой, но всё же уходит,
Натура готова восстать ото сна.

Весна между тем накраснеется вдоволь,
Устанет, присядет, распушит бутон.
Глядишь, и сошла, как река в половодье,
Оставив на память зелёный хитон.

И лето не вечно, и лето исходит
Редиской, клубникой, петрушкой, жарой.
Казалось бы – большего жаждать не стоит,
Но нет, вот и осень в кофтенке сырой...

Ах если бы люди вот так же умели
В спираль закрутить свой ухабистый путь!
Себя возвращать из дряхлеющей дали,
Чтоб снова начать постигать жизни суть.

Что может быть гаже ненастья за дверью?
Банкротство, измена, понос? Ерунда!
Что осень... – она преходяща, поверьте,
Вот старость... С ней хуже – она навсегда.

Грусть-тоска

Ну что за сука грусть-моя-тоска!
Опять подстерегла меня из-за угла.
Я пил свой чай – всё как всегда,
Чуть-чуть расслабился, и вот тебе – Она!

Я тут же ощутил разлад сознания,
То – личной изоляции пробой.
Возможно, треснула картина мироздания,
И начался вокруг системный сбой.

Не усидеть на стуле, верчу попкой,
Как будто ядовитый кол во мне;
Лежу на ревматизме кверху «фоткой» —
Опять не то: всё снова не по мне.

И дело не в погоде, хоть она говно,
Похоже, всё гораздо глубже:
Подозреваю, что вселенское дерьмо
Не самое, что есть на свете хуже...

Меня совсем не раздражает снег,
Что за окном остервенело бродит,
Чуть-чуть навязчиво там ищет свой ночлег,
Но на мою жилплощадь не заходит.

А если бы на улице смягчило,
И вместо снега дождь заголосил,
То это б ничего не изменило —
Небесная вода не отнимает сил.

Я не боюсь, когда печёт или морозит,
То – лишь слепые факторы среды,
Которая особо не тревожит,
Коль тряпки по сезону носишь ты.

Беда не в том, что мы снаружи встретим,
И град и ветер – постулаты бытия.
Природа безразлична к своим детям,
И не божилась нянчить наше Я.

Есть нечто, что унылей декаданса,
Оно прозрачней рваного белья,
Потоньше ядерного резонанса —
Я говорю про внутреннее Я.

Мне кажется, разгадка где-то рядом,
Хотя неуловима как блоха:
Укусит, прыгнет и ускачет,
Но тут же возвращается сюда.

Я думаю, причина – в голове,
Где вместо браги уксус расплескался.

И надо бы держать наготове
Аптечку для кислотного баланса.

Мы сами создаём в себе пустыню,
Испепелив оазис в островок тоски.
И тянем свою душу, как рабыню,
За шагом шаг в зыбучие пески.

Тоска вредна, тоска непродуктивна,
И для души как друг неперспективна.
Тоска не терпит позитивного рассудка,
Она – язвительная спутница желудка.

К большому сожалению, я не хилер,
Чтоб голыми руками чистить ум.
Но вам признаюсь – я любитель-киллер,
И радикально пользую от тяжких дум.

Чтобы кручине сразу дать отпор,
И это никакое не кокетство,
Держу в сарайчике наточенный топор —
Такое вот спасительное средство!

Ну что за сука моя грусть-тоска!
Опять свалилась на меня и гложет.
И я, схватив топор, колю дрова.
Надеюсь, это, как всегда, поможет!

Кот

Хотелось бы взять кота,
И рассмотреть поближе
Прищуренные глаза
Да хвост, который он лижет.

Кот – вполне сибарит
(Тут нет и грана фальши) —
Ничто ни о чем не болит;
Но я бы пошел дальше...

Я бы не ел мышей —
Какая, простите, гадость!
Лучше бы с мясом шей —
Вот для желудка радость!

Я не держал бы кошку:
Это – котята и шум.
Я бы выбрал подушку,
Чтоб совершенствовать ум.

Секунд пятнадцать в сутки
Мурчал бы как Орфей,
Все остальные минутки
Меня бы качал Морфей.

Увы, есть два-три момента,
Коих не хочется знать.
Однако перо поэта
Не может их избежать...

Жизнь кошек трудна, опасна:
Собаки не звери – скоты!
От их речей громогласных
Хоть на деревья беги!

Люди частенько гадят —
Тянут за хвост, усы.
Правда, если поглядят,
То очень даже милы!

Машины, колеса, двери —
Все норовят поддеть,
И, коли мы не тетери,
Должны увернуться успеть.

Но если найдется поляна
Без страшных чёрных дыр —
Будет тебе и сметана,
Будет тебе и сыр...

*

Я бы завел хозяйку,
Добрую, без детей.
Водил бы её на лужайку,

Дабы гулять без затей.

Нас бы с ней возили
В элитный спа-салон,
Где шерсть обоим мыли,
И клали бы в чай лимон.

Я драл бы когтями мебель
И метил углы тайком,
В общем, жил бы на свете
В ладу со своим мирком.

А если разящий веник
Меня бы вдруг огрел —
Согласен, это не пряник,
Однако и не расстрел.

Хозяйка б меня учила,
Макая мордой в дерьмо,
Потом прощенья просила,
Прижав ко мне лицо.

Мы падали б на одеяла,
Я грудь бы ей топтал,
Она мне пузо мяла,
Я песню бы сочинял.

Потом разрешал бы бантик
На шею себе повязать:

Кот – огромный романтик,
В чём может пример подать.

...На все вопросы ответив,
Помня, что я напел,
Взвесив все «за» и «против»,
Я всё равно бы хотел

Взять, к примеру, кота,
Чтоб слиться с его душой,
И сквозь его глаза
Смотреть на мир с ленцою.

Славянка

Заслыша вдруг «Прощание Славянки»,
Я узнаю мелодию с двух нот.
Мне хочется накапать валерьянки... —
И так со мной уже который год.

Я не скажу, что слабоват душою,
Что нервы в голос требуют врача.
От приходящих напастей не ною,
Живу со стоицизмом кирпича.

Уже давно, пожалуй, с детства,
Глаза не мокнут на ветру,
Но этот марш... Его коленца
Спокойно слушать не могу.

Когда звучит «Прощание Славянки»,
Я извлекаю носовой платок.
Предательски сдают мой коленки —
Сейчас бы водки маленький глоток...

Печальный марш родился на изломе,
Когда Россия встала на дыбы,
И до сих пор на нерве, на подъеме,
Он провожает наших на фронты.

Нет, он не Чёрный Буревестник,
Он с той же лодки, что и мы.
Он тоже носит православный крестик,
Он говорит нам: «Верь и жди!»

Он как-бы часть солдатской ляжки,
Чтоб оттянуть нас от беды лихой.
Назад с трудом слетаются подранки,
И кто-то не осилит путь домой...

Когда гудит «Прощание Славянки»,
Слух режет заполошный бабий вой.
В нос лезет вонь кирзы, портянки,
В грудь сына мамка бьется головой.

И ты под грустные фанфары
Своей жене вернуться обещаешь.
Нам снова предстоят судьбы удары,
И над вокзалами плывет «прости, прощай...».

Когда звучит «Прощание Славянки»,
Я не могу сдержатъ бегущих слёз,
В оркестра звуках, рвущих перепонки,
Я слышу плач родных берёз.

Гремит, кричит «Прощание Славянки»,
А я реву, предвосхищая боль.
Россия, Родина Славянки,
Скажи – нам снова завтра в бой?

Дурная привычка

на погребение С. К.

Январь, мороз, непафосные похороны,
Замёрзшая родня ногами топчет снег.
На голых кронах равнодушные вороны
Взирают на конечный от реальности побег.

Знакомые, пустив на лица скорбь,
Тихонько обсуждают мертвеца.
Зубами нервно выбивают дробь,
Стоически переминаясь у крыльца.

Их речи благодушны незлобиво,
Ведь об усопших – лучше ничего...
И как бы кто ни прожил век паршиво,
Когда уйдёт, проводят хорошо.

Унылый катафалк уже разинул жерло,
Служители Харона деловито ждут:
Работы им – на каждого по горло:
Клиентов много – люди интенсивно мрут...

И вот уж к церкви споро едет гроб:
Часовня, где излишен громкий смех,
Заупокойный рэп, кадило, поп,

И сладкий дым прощает каждый грех.

Последнее катание на погребальной «тройке»:
Билет в один конец на новенький погост.
В России кладбища сменили новостройки;
И Он сейчас там будет свой, не гость.

Приехали. Из катафалка вынут гроб.
И снова полились скупые слёзы.
Вокруг могилы намело сугроб:
Зима, и степь, и ледниковые прогнозы...

Прощанье, гвозди в крышку, и пустили
В сосновой лодке на безвременной постой.
У изголовья деревянный крест вонзили
И написали – здесь N.N. обрёл покой.

Замёрзший люд разбрелся по машинам,
Оставив свежий холмик тихо проседать.
Живым – страданья по своим законам,
А мёртвым... Им уже не встать.

Давно пропала острота момента,
Когда блеснёт коса над головой.
Миг – рвётся рядом жизни лента,
И оседает наземь кто-то свой...

Увы, в России каждый некропóль —

Как есть – Некрополис по устремленье...
Перед глазами – сонмы искусивших боль,
Ушедших страшно глубоко, к Забвению.

Они всегда, как храбрые солдаты,
Шагают строем, чётко соблюдая ногу.
Не требуя за смерть свою награды,
Прокладывают нам, живым, дорогу...

Всё чаще хоронить родных, друзей —
Теперь дурная, неизбежная привычка.
И как себя за это слёзно не жалеи,
С ней «завязать» – неразрешимая задачка.

Одиночество

С чего начать печальный стих?
Пожалуй, с сожаленья
В том, что судьба – изрядный псих
Без должного леченья.

Когда тебе шарахнет сорок,
Вдруг нанесёт дерьмом...
В душе возникнет тихий морок:
То – жизненный излом.

Живёшь доселе не халатно,
Рвёшь на семью пупок.
Со стороны взглянуть – всё ладно,
Есть дочка, есть сынок.

Построишь домик с отопленьем,
Насадишь рощу лип,
Идёшь на службу с жадным рвением;
Вопрос – и где твой нимб?

Нахлынет разом инфантильность,
По жилам потечет вода,
Куда-то денется стабильность,
И ты сойдешь с ума.

Взглянешь на спящую жену тишком,
И чувствуешь – чужая.
Наденешь брюки, и молчком
Уйдешь, куда не зная.

А может быть, наоборот,
Жена уйдёт, и воля,
Как редкий запрещённый плод,
Лишит тебя покоя.

Все скажут, что, мол, бес в ребро,
Что жир наружу лезет.
Но ты-то знаешь: то – не то,
Что это кризис бесит.

Тихонько ест мозги, нутро,
Да руки-ноги сушит.
Так скоро выпадет зеро —
Того и глянь, задушит.

Ты провалил Большой Экзамен,
Тебе свистят – долой!
Казалось бы – на шею камень,
И в омут головой!

Чего тянуть за хвост кота...
Но не спеши, поверь —
Жизнь, брат, хотя и не проста,
Не самый лютый зверь.

Ты поищи к нему подход,
Не дергай за усы;
То был бы слишком яркий ход —
Ещё идут часы...

Не нужно углублять проблему,
Найди помельче бочажок.
Отставь на время теорему,
Охолонись, дружок!

Во всяком минусе лопатой
Зарыт неявный плюс.
Копни рукою узловатой,
Прорви душевный флюс.

В момент, когда вдруг ты один на один
С самим собой любимым,
Твой вялый дотоле гемоглобин
Внезапно станет твёрдым.

Никто не придет накормить тебя с ложки
Ни завтра, ни вчера,
И «хощь не хощь», а сваришь картошки
Иль кашку из топора.

Твой дряблый бицепс чугуном станет,
Во взгляде блеснёт сталь,

Хандра пройдет, твой дух воспрянет,
Коли себя не жаль.

Ты вновь как когда-то охотник смелый,
Рука не подведёт.
Любой новый выстрел окажется верный,
К подранку не приведет.

Ты сам будешь снова чей-то приз,
Но уж не жертва точно.
Ты сможешь исполнить чужой каприз,
Уже не будет так больно.

О жизнь спотыкаясь доселе нелепо,
Ты снова глянешь ввысь.
А там ты увидишь не только небо,
Там – летящая мысль.

В чём ни росли бы зла коренья —
Посыл бери любой —
Острей заточи свой угол зренья,
И твёрдо на нём стой.

Пуškai все ищут в тебе декаданс,
Пусть намекают на климакс.
Ты им говори – у меня ренессанс!
Ты говори им – рэмикс!

Вера

посвящается В.К.

Вера, Надежда, Любовь. А может —
Надежда, Любовь и Вера?
Сомнением в первенстве гложет
Извечная наша манера...

Надежда – нет слов – хороша!
Как шанс, как лучик тлеет.
А если найдется душа,
Она её ревностно греет.

Надежда – дырочка сыра,
Мираж, туманный намёк.
Легко сотворит кумира,
Что страшно от жизни далёк.

Надежда как есть кукарача,
Компас без стрелки внутри.
Она – незадача-удача,
Попробуй её излови.

А скажем, потянет на дно тебя, —
Куда уж пример конкретней —

Надежда пропустит вперёд себя,
Умрёт за тебя последней!

Любовь, несомненно, краса!
И на лицо, и глубже.
Её всемерно хранят небеса,
Считая, что нет дороже.

Любовь, – и тут нет вопроса —
Она всегда в пути:
Может зайти без спроса,
Затем по-английски уйти.

Понравишься ей – поцелует!
Обидишь – к чёрту пошлёт!
Пожертвуешь ей – помилует,
Откажешь – в огне сожжёт.

Вот с Верой несколько проще,
Но в то же время сложнее:
Она ничего не просит,
И не раздает векселей.

Она не ждёт пониманья,
Всегда лишь собой жива.
Не ищет чужого признанья —
Вера всегда права.

Поверь – и обрящешь. А далее,
На стылом мирском ветру,
Твоя искра Божия малая
Придётся ей ко двору.

А Вера – она будет рядом,
За руку тебя возьмёт.
Со всяким сражаясь гадом,
Сама на костёр взойдёт.

Изверишься – жди испытанье,
Множа печалью грешки.
Ища в себе оправданье,
Поколешь об стену горшки.

В осколках сердце стенает,
Без радости дышит грудь,
Да сплошь с потолка свисает
Унылая серая нудь.

Без Веры душа пустая,
Как белой бумаги лист.
Страницы судьбы листая,
Ум твой безжизненно чист.

Зияет в сознании эра
Созвездий ментальных дыр.
Не красота, но Вера

Всегда спасает мир.

...Я знаю, конечно, всё сам,
Но чтоб говорить предметней,
Смиренно прибегну к Богов словам,
Чей смысл будет авторитетней.

На небо молясь, жду ответа,
Кто больше достоин чести
Быть главной в списке поэта.
И сверху, к моей вящей лести

Устами эксперта, в глаз, не в бровь,
Глаголет, смеясь, Венера:
«Конечно, Надежда! Конечно, Любовь!
Но первая всё же – Вера!»

Вёдро

Весна-Красна, пройдя сквозь лето,
Огрузла, истрепалась, изошла.
И вот наложено на процветанье вето,
Встречайте, Осень к нам пришла!

Она шуршит истлевшим платьем,
Стегает ветром в уши, по глазам.
Гоняя мусор с шепутным весельем,
Как будто говорит: «Сейчас наддам!»

Бедняга, как дурной садовник,
В мокреть, без шапки и босой,
Идёт с ведра полить репейник,
Не видя, что оно с дырой.

Облив грибы, облив дорожку,
Облив поля, леса почём зазря.
Не уследила, как под пробку
Залила реки и моря.

У рыб совсем осклизла шкура,
А в людях – с плесенью душа.
Пора бы крикнуть: «Хватит, дура!
Суши портки, и на юга!»

Однажды

Однажды, когда удалюсь навсегда,
Не дрогнет лицо Джоконды.
Она продолжит глядеть вокруг себя
С бесстрашием анаконды.

Шальная трава не умерит рост,
Цветок ни один не свянет.
Букашка – под листик, на дерево – дрозд,
И только меня не станет.

Не будет громких рыданий окрест,
Не факт, что родня вспомянет.
А я потащу наверх свой крест,
А может, и вниз. Кто знает...

Не спорю, наверное, плохо, что молча
Моих не заметят благостей,
Зато хорошо, что так же молча
Отметят отсутствие пакостей.

Никто и ничто не замедлит бег,
Когда без фальшивой улыбки
Устрою свой вечный, иной ночлег,
Умножив на ноль ошибки.

Вот разве мой пёс или кот у плеча
Пойдет до конца, не бросит:
Понуро лизнёт, а потом сгоряча
Вернуться назад попросит.

А я внезапно запнусь на прощаньи,
Не факт, что в воротах рая,
Махну в ответ бестелесной дланью,
На миг задержась у края...

Ротация тел – неизбежная проза,
Что впишет в меню послевкусие гроба.
Не зло, не добро, но большая заноза
О том, что мы все – неудачная проба.

И всё же изменится бытности суть,
Не факт, будет лучше иль хуже.
Я знаю, когда оборвётся мой путь,
Ваш мир станет чуточку уже.

Сталин

Бьются историки, бьются истерики,
Бьются в падучей большие мужи:
Кем Джугашвили был – дьяволом, ангелом,
Или же так, на межи?

Вот либерал в исступлении плачется,
Что, мол, изыди, мол, бес! Изгонись!
Что этот страшный, с трубкой, с Кавказа,
Подпортил страны летопись.

На что коммунист, покрестившись на образ
Йосифа Светлого твёрдой рукой,
Сжав в кулаке верный маузер якобы,
Громко кричит: «Долой!»

Правозащитник, на Запад заточенный,
Возвестник гуманных идей торжества,
Вежливо, мягонько, с долей культурности,
На Сталина шепчет: «Нельзя!»

В пику ему ортодокс коминтерновский
Фигу огромную смачно сложил.
Яростно тычет ей: «Вот тебе, накося!
Я на тебя... положил!»

Некто в жилете кивает на Гитлера:
– Знаете, Сталин его породил!
Но оппонент машет шашкой отчаянно,
Орёт: – Он его победил!

Право-эсеро-кадет брызжет в стороны:
– Да он... под лобию кушал людей!
– Да мы без него не летали бы в космосе! —
Спорит, кто явно левей.

И занялась вновь история давняя,
Вновь забурила гражданская быль:
Белые; красные; вот царедворцы
Декабристов сядят на гриль.

В драке смешали всё в кучу: колхозников,
Голодомор, ДнепрогЭС, лагерь,
Первая Конная, френч, беспризорники,
Вот и штрафроты пошли под «Ура!».

Когда ж надоест пересаживать корни нам —
Сегодня ты прав, а назавтра подлец;
Когда перестанем трясти свое прошлое,
Как негустой холодец?

Не хочется знать, кто тут прав, кто правее,
Кто чемпион, кто ударит сильней.
Ведь истина вновь проскользнет между пальцев,
Смолчав, кто средь умных умней.

Как надоела реформа сознания,
Что длится годами, и всё в никуда.
Оставьте нам память, не троньте надгробья —
Прошедшее, брат, навсегда.

Время не рак и не пятится задом,
Что было, то было, чего городить
Забор из плевков и речей обоюдных,
Лучше вперёд подсветить.

И царь, и царица, и пахарь, и жница
Есть звенья единой, кандалной цепи,
С рожденья закован в ней всякий и каждый,
Попробуй её расцепи.

В ней каждая сцепка вполне себе значима,
Субъекту толпы объективный посыл,
Как вешки в глубокой, опасной болотине:
Вот Ленин, вот Троцкий... Вот Сталин... Был...

И вождь, и холоп, и герой, и мерзавец
Совсем никуда друг без друга, увы.
Есть тайный смысл в этом мире подлунном:
Ну Сталин и сталин. Что уж... Ну был...

Песня эколога

Гадить, милая, не стану, и тебе не позволю!
С неба памперсы достану, строго в них и навалю.
Сверху твёрдые отходы, книзу жидкие текут,
А тебя, моя подруга, попрошу их завернуть.

Если вдруг сосну сломаю, сразу две всажу назад.
Каждый листик на осине мне и друг, и брат, и сват.
Над униженной травинкой буду слёзно причитать,
Ты прости меня, родная, я не буду тебя мять!

Курочка несёт яичко, я её не зарублю —
Пусть кудахчет на насесте, прижимаясь к петушку;
Под крылечком сучка Жучка на себе разводит блох,
Вот и славно, вот и дружно, так и нужно, видит Бог!

Но коварная пришла беда – джунгли облысели,
Да и фауна совсем сдала – сильно чахнут звери,
Пчёлки нынче ерундят с медком, выпускают горький,
Да под каждым зеленым кустом мусор сложен горкой.

Не скажу вам дамы-господа, кто умом напичканный:
«Не ходите в лес с дровами, не играйте спичками!»
Кто и где когда чего наклал, знаете и сами,
Мать-Природа очень зла на нас, смоев всех цунами!

Ника

девочке Веронике посвящается

Ника родилась в марте.
На улице – лёд, холодок.
Она запросилась сразу
Под тёплый мамин бочок.

Её привезли в квартиру,
Она сказала: «Уа!»
Бабушка рядом всплеснула —
Ребёнку есть-спать пора!

Пока суть да дело, поели,
Ника уже поползла.
Пора, пора из кровати,
А там, глядишь, и пошла.

А вот уже зубки лезут,
От них вся мебель хрустит.
Прочь уберите соски,
Девочка требует щи!

Горшок ничуть не пугает,
Расклад идёт к тому:
Ника – вполне себе дама,

Подгузники ей ни к чему.

Вот-вот скажет: «Мама, папа!»

И всех других назовёт,

И бабушка рядом ахнет —

Ребёнок в садик идёт!

А дальше... Дальше как водится:

Игрушки, подружки, друзья,

Учёба, работа, заботы,

Конечно, своя семья.

Но всё-таки помни, Ника,

Какие б не звали дела,

О тех, кто с тобой был вначале,

С чьих рук ты в мир сошла.

Про тепло

Зимой не хочется бегать
Босым по нагой земле.
И даже когда снегом
Поверхность манит к себе.

Зимой не хочется плавать
В студёной речной воде,
Поскольку не та радость,
Которую жаждешь себе.

Почто жестока Природа,
Когда у себя во дворе
Лизнёшь, не подумав, ломик
В Крещенскую ночь, в январе?

Казалось бы – встань на лыжи,
Сто вёрст зараз махни!
Иль сидя в тазике, задом,
С горы народ обгони!

И вот уже ты угрелся,
И вот уже ты в пару,
И вот... Да тьфу ты, напасть —
Опять я про жару!

Откуда вселенская тяга
К теплу у простых парней,
Когда расцветает прутик,
И дырку гнездит воробей?

Зима выстужает Эго,
Мороз и Вечность – друзья.
Мы – мимолётные птахи,
Где Бесконечность, где я?..

Но верю, ещё не однажды
Поймаю тепло на блесну.
Замечу: зима – и минус,
И плюс, когда будит весну!

РАЗДЕЛ 2. РАННЕЕ

Когда нельзя отступить

рассказ

Желудок в очередной раз злобно рыкнул. «Точь-в-точь, как мой шеф, когда злится!» – подумал Иван Петров. Ему нестерпимо хотелось есть. На ходу подняв голову, очень кстати прочитал – «Столовая №10». Ура!

Нужно сказать, Петров слегка недолюбливал именно эту столовую. Однако времени бежать в другую сегодня катастрофически не хватало. К тому же его заведующий отделом терпеть не мог, когда подчинённые опаздывали с обеда. Впрочем, такого рода «аллергия» на непунктуальность рядовых сотрудников присуща всем без исключения начальникам, а также их заместителям. Поэтому Иван, не колеблясь, решительно открыл дверь под знакомой вывеской. В нос ударило влажным, прогорклым, и чем-то съедобным. Мельком отметил: народу было, как всегда в обед, не протолкнуться. Желудок, подобрев от сладостного предвкушая, взял себя в руки и сбавил тон.

Иван выбрал поднос почище. Встав в длинную очередь,

начал прикидывать, чего бы взять? Голодное воображение, не сдержавшись, представило себе жирные, наваристые щи с говядиной, толстую свиную отбивную, расстегаи... Тут Петрова слегка замутило от голода, и он, едва не поперхнувшись слюной, одёрнул себя – ну что за барские замашки в родном советском общепите? Эдак и в рот ничего не полезет. Тут ведь как – специфика особая, своя: либо вкусно, либо много... При выборе места столования нужно ясно понимать: хочешь наесться без затей – вот эта столовка как раз то, что нужно; хочешь насладиться – иди в другое место и с другими деньгами. И не стоит питать иллюзий. Они ослабляют иммунитет.

Минут через десять, добравшись до замызганной раздачи, он обратился к меню и стал тяжело размышлять: харчо или молочная лапша? «Прошлый раз харчо оказалось не ахти какие харчи, но молочным не наешься», – здраво рассудил Петров. Несмотря на стремительно галопирующее чувство голода, он всё ещё чудом сохранял способность к адекватному мышлению: «Рискну-ка я ещё разок попробовать харчо».

Вскоре Петров дошёл до полки, на которой высилась горка пережаренной, пересохшей и перележавшей путассу. «А может, это простипома?» – гадал Иван, к стыду своему, плохо разбирающийся в неосетровых. Он встревоженно спросил у дамы, стоящей позади:

– А какой сегодня день?

– Среда, – машинально отозвалась та, занятая своими мыслями.

«Уфф! – Иван мысленно утёр холодный пот со лба. – Значит, не рыбный день!»

– Харчо нет. Есть рассольник, – сказала, как отрезала, будто вырубленная из твёрдых пород красного дерева, наливальщица.

– Давайте что есть, – обречённо отозвался Иван, не без основания подозревая, что меню ещё чего-то не договаривает.

– Да, и пожалуйста, большую порцию, – добавил он.

Пока пышномясяя работница орудовала поварёшкой, Иван решал сложную задачу выбора лёгкой закуски, хотя сам выбор был невелик: жухлый на вид салат из свежей капусты да такой же заморенный «витаминник» из свежих огурцов. В обоих случаях слово «свежий» было совершенно не к месту в наименовании блюд, поэтому Иван, ткнув пальцем в небо, взял винегрет – тот, несмотря на синюшный вид, издавал вполне живой запах. «Солёная капуста хранится лучше и дольше!» – вспомнилось к чему-то из давно прочитанного.

– Что на второе будете? – вывела его из сомнений раздатчица.

– Горох и два бифштекса, – помня перечень из меню, выпалил Иван.

– Нет гороха. Есть макароны и рис.

– Тогда рис. Двойной!

Иван не любил макароны.

– Из мясного что будете брать? Есть азу, есть котлеты.

«Опять меню того... – не того...»

– Давайте котлеты. Не рыбные? – подстраховался Иван.

– Нет. Баранина со свиной.

– Аа-а... – заколебался Иван, не в силах решить. – Давай-те... две котлеты. Нет! – он поторопился исправить заказ. – Три! И подливы побольше.

В его голосе послышались просительные нотки.

Раздатчица (она же насыпальщица), услышав про «побольше», на мгновение запнулась. (Да и то сказать: грузовой тепловоз, это вам не маневровая «кукушка» – когда ещё после свистка даст задний ход...) Затем нехотя вернула черпак в кастрюлю с соусом и вроде как зачерпнула ещё немного бурой жидкости. При этом лицо её наглядно отразило невыносимую внутреннюю борьбу между «улыбнуться или нахамить». В результате выиграла ничья, но стало очевидно, с каким нечеловеческим трудом даются не предусмотренные штатным расписанием движения души и тела работникам наших столовых.

Вконец оголодавший, готовый проглотить собственный язык, Иван решил сегодня съесть много. Его взгляд упёрся в лежащие на верхней полке пирожки, означенные как «с мясом» и «с повидлом». Рука сама, без спросу, ухватила по два

из каждого лотка.

– Свежие? – неосознанно поинтересовался он.

В ответ его ожёг яростный взгляд такого высокого накала, что Иван невольно отшатнулся, боясь опалиться. Знал же, какой ответ прилетит с той, неприятельской, стороны «бастиона»! К тому же, когда укладывал пирожки себе на тарелку, сразу отметил: «Холодные, чёрт возьми!» Спрашивается – зачем дразнил гусей?..

Между тем, в порыве неудержимой жадности, Петров поставил себе на поднос ещё и омлет. В голове мелькнуло стандартное: «И на чём они его жарят?..»

Следом под распоясавшиеся руки попалась каша. Она тоже оказалась на подносе.

Оставалось выбрать чего-нибудь жиденького. Либо чай, либо компот. И то, и другое не манило, но холодный чай – это намного хуже, чем такой же компот.

В этот момент через голову и просто мимо Петрова, довольно бесцеремонно толкая его, потянулись многочисленные чужие руки. Это народ кинулся брать штурмом сметану, что внезапно внесли из подсобки. Иван тоже успел ухватить стакан. Ну вот, пожалуй, всё. Можно наконец платить и быстрее садиться есть.

Он был уже совсем рядом с кассой, когда там завязалось небольшое разбирательство: девушка тщедушного вида, в очках, тыкала тарелкой с рисом в каменное лицо кас-

сира, хранящей на себе отпечаток вечности. При этом культурная клиентка негромко, но акцентированно вопрошала:

– Что это такое? Как это можно есть?

– А что вам не нравится? Нормальный рис, – вяло отбивалась кассир.

Воздух вокруг них невидимо задрожал и мгновенно наэлектризовался, создав некоторое напряжение между с интересом наблюдающими за происходящим страждущими хлеба (и вовсе, как оказались, не чуждыми зрелища) с одной стороны, и кормящими их с другой. В этот момент стойки и полки раздачи образовали некий водораздел, почти что баррикаду. Похоже, назревал конфликт.

Процесс выдачи пищи не то чтобы остановился, но уж точно несколько замедлился. Плотные, в одинаковой униформе работницы столовой пока ещё трудились как добрые пчелы, но внимательный сторонний взгляд мог без труда заметить, что они заметно насторожились и как бы подобрались, приняли «низкий старт» (и это при их неспортивных фигурах!). Однако в любой момент вся их дружная команда могла сорваться с места и превратиться уже в стаю злых ос...

Абсолютно каждому было ясно – повара что-то проглядели. Более того, все понимали – кого именно они прозевали, а теперь весь сплочённый коллектив столовой был готов единой мощной грудью, в едином порыве встать на защиту родной «конторы».

Кассир, однако, незыблемо восседавшая на монументаль-

ном постаменте, была убийственно спокойна. Её изошрённо натренированный мозг не видел особой угрозы со стороны этой, по всей видимости, «училки»; поэтому она легко, «одной левой» парировала жалкие потребительские нападки.

– Вот-вот, посмотрите! – интеллигентка ворошила в тарелке вилкой, что-то выискивая там.

– И никакие это не черви, а обычные мушки, – с абсолютным сознанием правоты заявила кассир, поправляя свой гранитный бюст. – Лето на дворе, вот они и летают везде.

Аргумент в пользу всепроникающей силы Жизни неожиданно возымел действие. Девушка почему-то сразу успокоилась (может, она преподавала биологию?) и понесла на мойку остатки обеда, который, за исключением небольшого количества спорного риса, только что благополучно съела. Все разом, по обе стороны баррикады, вздохнули. Кто с облегчением, кто с сожалением. Каждый вновь занялся своим, настоящим.

Петров со смехом заметил стоявшей позади даме:

– Так и аппетит могут испортить.

– Ага, – мотнула та головой.

Однако выражение её лица не понравилось Петрову. Как-то нехорошо побледнела дама. Но, с другой стороны, иной от окружающих оттенков лица – глубоко интимный выбор каждого; засим Петров деликатно отвернулся от неё.

Наконец за обед заплачено. В руках непослушно вальсировал поднос, с трудом уместивший на себе накупленную снедь. Отходя от кассы, Иван окинул быстрым взглядом зал – все столы заняты. Куда же сесть? Ага, вот товарищ у окна неподалеку встаёт, надевая шляпу. Можно туда, если поторопиться. Успел!

Иван расставил свои тарелки, расстегнул ворот рубашки. Выбрав на столе место почище, опёрся, расслабившись. Локти тут же бесконтрольно разъехались на жирной столешнице.

Впрочем, всё это так, мелочи. Вот он, долгожданный момент – Иван взял пирожок и со всего маху откусил от него едва ли не половину. И сразу нетерпеливо зачерпнул рассольник. В нос шибануло кислятиной осклизлых огурцов. Да-а, супчик-то оставлял желать гораздо лучшего... Немного погодя выделился ещё один нюанс: пирожок, вернее – мясное вкрапление в него, было немного с душиком.

Но голод не тетка, и Иван продолжил неистово хлебать варево, успевая при этом аккуратно сдвигать ложкой на край тарелки серо-зелёные огурцы, которые при всём желании ну никак не лезли в глотку. И более осторожно кусать второй пирожок, выплёвывая из него мелкие, но острые косточки.

Вскоре Иван поймал себя на мысли, что, даже учитывая свой неуёмный голод, категорически не хочет доедать рассольник; однако изо всех стремительно убывающих сил, что-

бы не потерять себя в глазах соседей по столу, постарался съесть порцию до дна. И всё-таки смалодушничал. Незаметно поморщась, отодвинул от себя остаток «первого».

Всё ещё сохраняя высокую скорость, по инерции проглотил кашу, так и не поняв истинную природу её происхождения. Разве лишь то, что была она определённо растительной...

С гораздо меньшим энтузиазмом принялся за «второе». Быстро умял две котлеты, которые более справедливо было бы назвать хлебными, нежели мясо-свинными; и тем не менее... А также львиную долю риса. Так же исчез во рту, но уже неспешно, пресловутый винегрет, который, как Петров справедливо предположил, оказался весьма недурён. Хоть он и был несвеж, зато добавил в организм Ивана добрую толику кислоты, значительная часть которой втуне пропала вместе с несъеденными огурцами.

Ну вот. Необходимое количество жизненно обязательной пищи упало внутрь пищевода и далее. Теперь особо спешить было не к чему.

Иван с некоторой ленцой ковырялся вилкой в гарнире. Зачем он это делал? Наверное, в силу подспудного любопытства, что свойственно каждому из нас, когда в желудке уже ощущается приятная тяжесть. Кстати сказать – абсолютно ненужное любопытство.

Иван против воли ожидал найти что-нибудь... необычное; и нашел: несколько черных мушек спрятались на самом дне.

Вопреки здравой логике он даже обрадовался им, будто встретил старых добрых приятелей. Затем через силу, но целеустремленно принялся «добивать» последнюю котлету, приправляя её бледной подливой и дополняя рисом, осторожно снимаемым с самого верха, поскольку там, думалось ему, мухи ещё не успели «отметиться». Впрочем, Иван прекрасно понимал шаткость такого допущения...

Он подвинул поближе омлет, который, пожалуй, был к этому моменту совершенно лишним. (Если совсем честно, то уже последняя котлета была ни к чему...) Иван с особой придирчивостью попробовал его – недосолен. Поглядев в солонку, понял – в ней побывали чужие яйца, и сделали это неаккуратно... А в горчицу даже не стал заглядывать – всё было ясно намазано на её боках...

Омлет пришлось есть, как он есть. «На чём они его жарят?» – снова промелькнула спутником мысль-загадка, когда Иван буквально «ногой» попытался затолкнуть его в себя. С большим трудом управившись с ним наполовину, Петров отвалился на спинку стула. Захотелось передохнуть.

Два соседа по столу одновременно закончили трапезу, собираясь вставать. И в этот момент подъехала тележка «скорой столовой помощи». Правда, без креста и сирены, зато с изрядным грохотом.

Прибыла она, конечно, не сама по себе, а будучи ведома

нарядной девушкой лет... Иван хмыкнул про себя: его всегда умилял пресловутый стиль «а-ля первоклассница». Ну там передничек, оборочки... А этот головной убор!.. Ну вылитая демисезонная Снегурочка! Опять же юбка до колен. Ладно ещё, когда «второгоднице» двадцать с небольшим, но когда ей сильно за тридцать, а то и сорок... С другой стороны, не надевать же ей черный прорезиненный фартук, а под него комплект индивидуальной химической защиты. А вот высокие кожаные ботфорты – это вариант!..

Меж тем «девушка» ловко убрала со стола на верх тележки грязную посуду (повезло встающим соседям – не нужно самим относить на мойку). Такими же отработанными движениями недоеденные остатки отправились в огромный, с крупной синей подписью «ПП», бак, стоявший в нижнем кузове тележки. Иван, по уже сложившейся у него традиции разгадывать тутошные ребусы, попытался расшифровать надпись, но не сильно преуспел. Сказалась сытость, которая, как правило, пагубно влияет на послеобеденный IQ, а в данном случае – успехи в криптографии.

«Ещё один шанс для огурцов, – подумал Иван, глядя, как они, недоеденные, но не забытые, отправились в тот таинственно закодированный бак. – Подадут теперь их какой-нибудь хрюшке на десерт. Так вот где зарыт корень нашего поразительного сходства со свиньями – как-никак, из одной тарелки хлебаем...»

«Снегурочка» взялась за тряпку и в мгновение ока протёрла загаженный было стол. Ощутимо запахло дезинфекцией. Иван моментально заткнул нос – у него были свои предубеждения. В конце концов, любой, а не только начальник, в современном демократическом обществе имеет право на собственную аллергию. Так вот, Иван терпеть не мог хлорку, отчего всю его игривость тут же как рукой сняло. И он, отвернувшись в сторону, попытался дышать оттуда.

Снегурочка (она же «медсестра»), мельком, совершенно индифферентно глянула на Ивана, и неспешно, покачивая матовыми бедрами, с грохотом отправилась на следующий «вызов».

Когда Петров повернулся к своим тарелкам, то застал рядом с собой новых соседей, с жадностью поедавших принесённое ими. Ивану тоже следовало поторапливаться – время поджимало, и он продолжил начатое; и доел-таки злополучный омлет.

«Вот вам!» – злорадно подвёл он некий итог, сам не зная – чему и к чему? И к кому при этом обращался.

На том, пожалуй, была выполнена уже программа-максимум. И даже сверх неё. Петров сытой рукой поднял стакан с компотом, поглядел сквозь него на свет так, чтобы это не слишком бросалось в глаза окружающих. «Сегодня исключительно пятнистый стакан попался. Наверное, из-под

какао.» Поискал глазами салфетки, чтобы вытереть липкий стакан, а заодно и руки, но ни на одном ближайшем столе их не было. «Ну и ладно, – решил Иван. – Потом руки отмою».

Он поколебался, затем взял вилку и наколол ею пирожок с повидлом. Стал есть его, запивая мутной бурдой из такого же неопрятного стакана. Представив себя со стороны, махнул рукой и второй пирожок взял уже рукой: сначала двумя пальцами, а потом и всей пятерней. Пирожки оказались жёсткими, и это была ещё одна из многочисленных тайн, о которых стеснялось говорить меню.

Съеденное и выпитое уже вплотную подступило к горлу. Иван сидел, крепко сжав зубы – не стоило теперь лишний раз открывать рот, чтобы ненароком не пролить через него что-нибудь...

Иван тяжело, с одышкой оглядел зал. Картина всеобщего насыщения уже не вызывала в нём сопричастности. Хотелось выйти наружу. Но была ещё сметана...

Он тщательно, как проверяющий из санэпидстанции, всмотрелся в неё, и сразу заметил многочисленные пузырьки во всей её белой толще, после чего осторожно приподнял стакан и, не удержавшись от искушения, озорно качнул его: вверх медленно всплыла собственно «сметана», вниз нехотя поползла более тяжелая фракция. «Наверное, перестарались с водой...» – глядя на инфильтрат, аналитически заключил Иван.

По неистребимой русской привычке он выдохнул, запрокинул голову, закрыл глаза и, поднеся на ощупь к губам сметану, осторожно выпил её. Затем отставил «рюмку» на вытянутой руке, оценил результат и порадовался – все вышло замечательно: сметана внутри, отстой – в стакане. Теперь действительно пора было уходить.

Иван поднялся со стула и немного покачнулся. Прислушался к себе: внутри прибор мерно накатывал в самые ноздри.

Петров нёс к мойке грязную посуду, крепко сжав челюсти. Он изо всех оставшихся сил старался не думать о своём желудке, где вовсю шла бескомпромиссная борьба между рассольником и сметаной, компотом и котлетами.

Он обвёл мутным взглядом столы, забитые объедками. К горлу подкатил настойчивый позыв, заставив судорожно икнуть. «Как бы не об...» – испугался он, но тут же оборвал опасную мысль на полуслове. Не хватало только оскандальиться... Иван ещё сильнее, до боли, сжал челюсти.

«Ну уж нет! Я заплатил свои кровные за всё! И теперь до вечера нужно, кроме всего прочего, дожить...» – сердито подумал он. Стараясь лишний раз не тревожить свой перенасыщенный, встревоженный внутренний мир, неверным шагом вышел вон.

Петров довольно нервно и неровно двигался по улице. В данный момент его сильно заботила угроза несварения. То

бишь – не случится ли банальный запор? А вдруг не банальный, а самый что ни на есть фатальный?! Запаниковавшее сознание принялось судорожно искать выход из столь критической ситуации, и тут же предложило Ивану немедленно перейти на солнцеделение...

Узкий тротуар, по которому тяжело пробирался Петров, казалось, немного покачивает. Глядь, и вот уже Иван – не Иван, а капитан, с большим трудом ведущий по бурной реке баржу, сверх меры переполненную песком. Он, капитан, с понятной печалью смотрит на груз – и ценность сомнительна, и выбросить жаль. А волны уже возле самого мостика, вот-вот захлестнут трюм. Пристать бы к берегу, да выгрузить лишка... Беда в том, что судно плохо слушается руля. В общем, походка Ивана Петрова вызывала сочувствие...

Промучившись этак пару сотен метров, его желудок незаметно, но деловито рассовал по закоулкам то, что с таким трудом вынес из «десятки». Стало легче. А затем и намного легче. Можно сказать, совсем хорошо стало Ивану. И, как бывает, когда по случаю удаётся выпить грамм сто-двести, отчего разгоряченные эндорфины победно берут верх над холодным рассудком, он подумал ни с того, ни с сего: «А не жениться ли? А что – перейду на своё, домашненькое...» И долго-долго, ещё метров сто шёл, обдумывая внезапно и широко раскрывшиеся перед ним ослепительно засиявшие горизонты.

На этой мажорной ноте и закончить бы тернистый полуденный путь Ивана Петрова, но... Нежданно-негаданно возникло новое беспокойство. Теперь оно глухо стучалось где-то пониже «ватерлинии». «Как бы не обо...» – молнией высветилось в голове. Петров рефлекторно сильно сжал как все мысли сверху, так и все мышцы внизу туловища, из-за чего походка обрела ещё более странную ритмическую окраску...

Эта новая, пугающая перспектива оказалась гораздо ближе предыдущей, принудив сменить сиюминутные приоритеты. Петров заставил себя вновь наступить на горло собственной «песне», грозившей на полпути к послеобеденному кроссворду непристойно сфальшивить. Следуя проверенной методе, он дал увлечь себя первой попавшейся посторонней мысли, уводящей его прочь с опасного направления... Как у любого мыслящего человека, таковая мгновенно нашлась, и Иван, так и не успев толком жениться, оседлал новую идею и стремительно унёсся прямо на ней куда-то вдаль.

Иван Петров, сытый, и, в принципе, довольный собой, шёл с обеда на работу, привычно ощущая, как внутри него начиналась обычная в это время суток борьба с изжогой.

«На воде... – внезапно, само собой пришло решение загадки про омлет. – Той, что после мытья посуды остается.»

«Не опоздать бы, не то шеф опять начнет бурчать.» Иван слегка прибавил шагу...

Я скоро вернусь!

*И какой же русский не
любит быстрой езды?*

Н. В. Гоголь

рассказ

Сколько же наглецов ездит по дорогам, не поверите! Сейчас я отправляюсь к тётце, а по пути докажу, что дело обстоит именно так. Только выведу машину из гаража. Полюбуйтесь – ВАЗ-2106!

Ну как, хорош «трамвайчик»? Между прочим, ему четыре года, а как сохранился!

Что-то мотор не заводится. Карбюратор, наверное... Раньше, бывало, в любой дождь или мороз поверну ключ, и пожалуйста – сразу трогаюсь с места. Следовательно, не тороплюсь. И вообще, зачем спешить? Говорят, тише едешь, дальше будешь... Полностью согласен с автором этой мудрости. При обычной скорости в 80—100 километров в час не спеша за день везде успеешь. Даже к тётце на блины. Ха-ха!

Ну вот, заработал наконец! Это я о моторе. До чего люблю после двух-трех недель автобусной толчеи сесть в свою машину, включить скорость, и, пробуксовав колесами, непри-

нужденно помахать жене – милая, жди меня! Я скоро вернусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.